

«Когда-то человек бога выдумал. И хотя бога никто не видел, он без голоса, но некоторые нерадивые хозяева и сейчас не прочь все валить на него».

(Из речи товарища Н. С. Хрущева на декабрьском Пленуме ЦК КПСС.)

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

КУКРЫНИКСЫ-60

Крокодил

№ 4 (1582)

10 ФЕВРАЛЯ 1960

ПОДЧЕРКНИТЕ САМИ!

С

ЕРЕНЬКАЯ бумажка... В моей обычной дневной почте она выглядела как самый обыкновенный канцелярский бланк с самым привычным началом: «Уважаемый тов...».

На первый взгляд ее можно было принять за пригласительный билет на районную выставку изделий кустарной промышленности или за напоминание о необходимости внести очередную плату за пользование телефоном...

Но только на первый взгляд! На самом деле это была бумажка, исполненная величайшего глубокомыслия, плод бессонных ночей, долгих раздумий над дневниками учащихся, результат тщательного изучения трудов всех великих педагогов от Песталоцци до Макаренко.

Жаль, что мы не знаем ее автора! Ему следовало бы присудить все звания, ученые степени и отличия, имеющиеся в распоряжении Союза писателей, Союза композиторов и Академии педагогических наук! Ведь он сочинил назидательный роман в 12 строк! Симфонию воспитательной работы на клочке афишной бумаги! Он освободил педагогов от кропотливого труда, помог классным руководителям мгновенно перевоспитывать десятки нарушителей дисциплины.

Познакомьтесь, читатель, с этим гениальным творением!

Уважаемый тов.

Ваш (а) _____ сын, дочь, брат, сестра и т. п. фамилия, имя, отчество

обучающийся в _____ группе _____ указать профиль группы

нарушает правила внутреннего распорядка училища, чем проявляет свою недисциплинированность _____ самовольные прогулы занятий, сквернословит.

_____ пьянствует, не выполняет домашних заданий и т. п.

считаем необходимым предупредить Вас, если Вы не примете участия и не окажете помощи училищу в его (ее) воспитании, то решением педагогического совета он (она) будет отчислен (отчислена) из училища, а средства, затраченные на его (ее) обучение и содержание, будут взысканы по суду.

Ждем ответа или личного приезда в училище.

Кл. руководитель
Мастер группы

с. Бирское Заказ № 514 Тираж 2000

Вот такая заботливая дирекция в Борской школе механизации сельского хозяйства! Учащийся еще не успел переступить порог этого скромного храма просвещения, как его уже автоматическим аттестовали как: а) злостного прогульщика, б) сквернословя, в) горького пьяницу, г) отъявленного лентяя.

Стоит только сделать механическое движение рукой [нужное подчеркнуть], как ярлык приклеен, и человек под давлением ближайшего родственника (сын, дочь, брат, сестра и т. п.) начинает исправляться. Раз — и готово! Причем просто, как все гениальное. А главное, открываются блестящие перспективы для родителей. Теперь они могут последовать примеру дирекции и отстучать в типографии ответный бланк:

Уважаемый тов.....!

Мой(я) сын, дочь, брат, сестра (нужное подчеркнуть) после вашего письма будет наказан(а): оставлен(а) без горького, горячительного, возбуждающего; подвергнут(а) порке, принудительному приводу в школу, лишению карманных денег (нужное подчеркнуть).

Ждем дальнейших циркулярных указаний.
Родитель, брат, сестра (нужное подчеркнуть).

До сих пор существовало мнение, что бюрократы — это рутинеры и консерваторы. Бланк Борской школы механизации [Куйбышевская область] говорит о том, что и бюрократы могут быть новаторами.

Добы творение дирекции Борской школы механизации не осталось незамеченным, мы печатаем его тиражом 1 400 тысяч экземпляров. Пусть это послужит предостережением всем сочинителям бумажных глупостей, которые давно пора выкинуть на свалку, сжечь, сдать в утиль и т. п.

Нужное пусть подчеркнут сами сочинители.

КРОКОДИЛ

— Прибыли в ваше распоряжение!

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Слово Ивана Бровкина

М

НЕ знакома радость демобилизации, когда солдат в последний раз оглядит казарму, уложит в чемодан свои нехитрые пожитки — и айда домой! Это вроде... ну, как вам сказать? Как после окончания университета выходит человек: он многое узнал, научился многому и теперь твердо и уверенно, как это говорится, «по жизни шагает».

Правда, кое-кто из сердитых критиков утверждает, что меня слишком уж хорошо воспитала Советская Армия и на мне нет ни единого пятнышка... И слишком красив целинный поселок, в котором я живу. И дом слишком, и квартира, в которой я живу со своей женой, Любащей, слишком... Не верьте им, товарищи! Все правда... И живу я хорошо, и поселок у нас красивый, и улицы широкие, асфальтированные, и освещаются они грозными электрических ламп, будто в самом Оренбурге.

Может быть, некоторые скажут, что это, мол, кинодекорации, что в кино не только что совхозный поселок, но даже марсианский пейзаж снять можно. Так я им на это отвечу: хотя я, Иван Бровкин, являюсь, так сказать, кинообразом, поселок наш что ни на есть самый настоящий и снимали его без всяких декораций. Если сомневаетесь, приезжайте в совхоз «Комсомольский», что в Ада-

мовском районе, Оренбургской области, и посмотрите сами.

Да, чуть не забыл. Есть разница между совхозом в фильме и целинным совхозом «Комсомольский». Картину снимали летом, а сейчас у нас снежок.

Как бывший солдат, я хочу обратиться к демобилизующимся товарищам — солдатам, сержантам и молодым офицерам. Сколько у нас работы! Сколько дел на фронтах семилетки во всех концах нашей необъятной Родины! Но я, как целинник, все же хотел бы вас видеть на целине. Земли у нас много, и работы здесь хватит на многие годы!

Я хорошо владею современным боевым оружием — в армии научился, но, как мирный советский гражданин, желаю меряться силами с капитализмом не на фронтах войны, а сидя за рулем трактора.

А если кто-нибудь обнаглееет и потеряет голову, нам все равно, откуда пускать ракеты. Отовсюду они одинаково достигнут цели; разница может быть только в минутах. Это я знаю, как бывший солдат-артиллерист!

Скажу вам на ухо, товарищ корреспондент: у меня родился мальчик, ему сейчас полгода. И слава богу, что некоторые мои «друзья» об этом не знают, а то придрались бы, что это тоже «слишком»: почему у Ивана Бровкина именно мальчик, а не девочка?

Я назвал мальчика Иваном, значит, будет Иван Иванович Бровкин.

Должен признаться, что у меня есть заветная мечта — путешествовать!

Будущим летом собираюсь в туристскую поездку в Америку. Вот смешно будет: Иван Бровкин в Америке! А?.. Хочу поглядеть, как в Айове выращивают кукурузу. Говорят, это у них здорово получается. А еще по дороге в Айову намереваюсь посмотреть в глаза людям, которые говорят о «советской угрозе». Но это, наверное, сделать будет трудно, потому что у таких типов глаза бегают. А теперь больше, чем когда-либо. Врать им становится трудно — вот в чем дело. Новый мирный шаг Советского Союза ставит их в положение, которому не позавидуешь.

Захар Силыч, мой приятель, когда прочитал речь Никиты Сергеевича Хрущева, сказал мне:

— Ну, Иван, теперь «холодной войне» только остается кричать: «Полундра! Иду ко дну!»

И я тоже так думаю, товарищ корреспондент. Можете зафиксировать.

По поручению Крокодила беседовал с Иваном Бровкиным и записал его слова

Георгий МДИВАНИ,

Борис СИБИРЯКОВ

КОМАНДИР - БРИГАДИР

Наш бригадир уже в летах, внушительный мужчина и на строительных лесах со строгостью — по чину — наводит дисциплину.

Но тех, кто мало с ним знаком, предупредить бы надо, что не обычным языком он говорит с бригадой.

В пылу строительных работ, бывает, ненароком он кухню «камбузом» зовет, а повараху — «коком».

Сначала кажется чудно, но привыкаешь скоро:
— Отдай концы!..
— Задрай окно!..
— Отставить разговоры!..

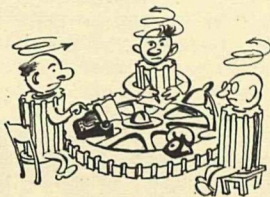
Все дело в том, что бригадир — недавний флотский командир.

И говорит бригада:
— Другого нам не надо!

Прилище и проз...

«НИ КРУТЬ, НИ ВЕРТЬ»

У нас на Михайловском хлебоприемном пункте остановился генератор: сломался подшипник № 2416. Стоп, машина!

С надеждой во взоре и с заявкой в руке пошли мы в родной павлодарский «Автотракторснабсбыт». И вдруг... поворот от ворот: «Подшипников не имеем!»

И закрутилась карусель! Изготовитель генератора Ереванский электромашиностроительный завод ловко отвертелся от нашей просьбы: «Обращайтесь в Баку!» Азербайджанский подшипниковый завод тоже выкрутился: «Пишите в «Союзглавмаш!»» Далее в круговорот отписок включились куйбышевцы с 4-го подшипникового завода и совнархозовцы Алма-Аты.

От поисков подшипника голова кругом идет, а генератор два уборочных сезона недвижим стоит! Ни круть, ни верть.

А. ЗАЙЦЕВ,
редактор газеты «Ленинское знамя» Урлютюбского района,
Павлодарской области

ШУСТРЫЙ ШИРПОТРЕБ

Мрачный возница Клим из чеховского рассказа «Пересолил» был очень высокого мнения о рысисых способностях своей клячи. «Кобылка

молодая, шустрая, — утверждал он. — Дай ей только разбежаться, так потом и не остановишь...»

Я был поражен, обнаружив такую же прыть в керогазе «Ленинград», недавно мною

приобретенном. Его, представьте, тоже легко зажечь, а вот погасить потом почти невозможно: заклинивается маховик, ибо металл (сообщаю специально для конструкторов этого керогаза) от нагревания расширяется.

Как видишь, сходство с климовской кобылкой полнейшее. Остается выяснить лишь одно обстоятельство: так ли угрюмы и мрачны с виду люди, выпускающие бракованные керогазы, как сам Клим? Должно быть, так. Если мой керогаз не исключение, наверняка замучили их рекламации!

В. ФРОЛОВ

г. Егорьевск,
Московской области.

РЕДКАЯ УСЛУГА

Почтовая связь у нас в районе осуществляется по принципу: «Шесть дней пусто — один день густо». Письма, а главное, газеты мы получаем навалом: одним махом за всю неделю. Вот и читаем про «облачность в по-

недельник» после дождика в четверг, «новости дня» вторника узнаем в субботу. Бывают у нас и две пятницы на одной неделе.

Эти услуги жителям доставляет редкой доставкой писем и газет начальник райконторы связи тов. Сальников. Так и не пойдем, в чем дело: дороги в районе обкатаны, и машины в конторе вполне исправны.

Несколько лет колхозники села Раздолье хотят высказать свои обиды тов. Сальникову по прямому проводу, да вот беда: на почте до сих пор не установлен телефон.

Колхозники Тарумовского района ДАССР ГЛУЩЕНКО, СВИЦЕВ, МУЗУРОВА и др.

БЕЗ ПРОМАШКИ

Хорошо охотиться с ружьем, которое бьет по цели без промашки! Что касается ружей, высылаемых Ижевской базой Посылторга, — они бьют не только по цели, но и весьма чувствительно по карману тех, кто доверился объявлению этой базы о том, что «в стоимость ружья включена стоимость его

пересылки в Магаданскую область».

Выпишите такое ружье, и оно к вам мгновенно «прилетит» на самолете. И с вас нотариальным порядком дополнительно взыщут сумму, равную почти половине стоимости самого ружья.

Ничего не скажешь: охота без промашки.

А. ШИКУЛА

Магаданская область.

РИСКОВАННЫЕ АТТРАКЦИОНЫ

Недавно на территории Чарышского района случились два необычных происшествия.

Шофер Ново-Талицкого совхоза Байбасынов, напившись до положения риз, сел за баранку. Последствия не замедлили сказаться: «Автомашина, потеряв управление, понеслась вниз по уклону, где перевернулась 33 раза и разбилась. Шофер Байбасынов на 8-м повороте автомашины с кабины вылетел...» Точность подсчетов витков этого автоштыпора удостоверяется соответствующим актом.

Шофер того же совхоза Путакин, возвращаясь из рейса сильно навеселе, заехал с пьяных глаз правым передним колесом в обрыв. Результат: «Автомашина, потеряв управление, понеслась вниз по сильному уклону и разбилась. Шофер Путакин из кабины выпрыгнул».

Как видим, сама судьба оберегала подгулявших автолихачей, бережно, а главное, вовремя извлекая их из кабин машины.

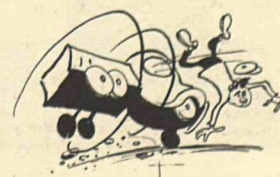
Тут читатели могут задать вопрос: а как расценивают подобные аттракционы руководители совхоза? Должны же они как-то реагировать!

Они и реагировали. Причем весьма оперативно: составили акты, украсили их своими подписями и направили в госавтоинспекцию на предмет списания машин «как не подлежащих восстановлению».

Блестящее решение! Не правда ли?

Г. ЛОГИНОВ,
госавтоинспектор

Алтайский край.

Заклакированная борода

ВСЕ ТЕЧЕТ, все изменяется...

Давно ли лезвия «Нева» и «Балтика» — продукция Ленинградского завода металлоизделий, — поступаая в торговую сеть, вызывали на лицах завмагов радость и умиление?

«Неву» и «Балтику» брали нарасхват, требовали, просили и с нетерпением ждали, когда их «выбросят в продажу».

Все это в прошлом. Спрос на «Балтику» и «Неву» упал. Да еще как упал! С треском. С шумом. Вот так, ни с того ни с сего, взял и грохнулся с высот сбытового максимума до самой низкой ассортиментно-минимальной цифры!

Собственно, удивительного мало, если учесть, что на прилавках, где долгое время безраздельно господствовали «Нева» и «Балтика», появились в изобилии лезвия многих других заводов. Кроме того, не нужно было быть пророком, чтобы предсказать это падение перед лицом грозно наступающих соперников — бритв электрических и механических.

Но ни в Госплане РСФСР, ни в Министерстве торговли никто не пожелал заглянуть в неотвратимое будущее ленинградских лезвий. Надо всем довлела теоретически обоснованная и твердо запланированная борода. Количество волос в этой обобщенной потребительской бороде и интенсивность их роста были подсчитаны на несколько лет вперед. Соответственно был выделен металл, запущен станочный парк и начислена зарплата.

Уже на первое января 1959 года количество не востребованных торговыми организациями бритвенных лезвий «Нева» и «Балтика» достигло четырнадцати миллионов штук!

Завод забил тревогу. Заклокотала, забурлила и с шумом понеслась по ведомственным каналам канцелярская переписка.

Писали об одном и том же:

«Выпуск лезвий определен в количестве

870 млн. штук. План явно завышен. Считаем нецелесообразным тратить ценное сырье, оборудование и рабочую силу на производство заведомо неходовой продукции. Просим изменить цифру плана выпуска с учетом реального спроса».

После длительного рассмотрения и изучения заводского ходатайства из Госплана сообщили:

«Цифру 870 миллионов лезвий подтверждаем».

То есть все остается по-прежнему.

И никакие обращения, никакие сигналы завода и торговых работников о все возрастающем затоваривании не действовали.

С каждым часом положение становилось все острее, чего нельзя было сказать о лезвиях, сваленных кое-как и где попало, потому что уже не хватало на заводе помещений для хранения готовой продукции. На видном месте появилось объявление: «За неимением помещения снимать верхнюю одежду не рекомендуется».

А гардероб на заводе был, и довольно вместительный гардероб, но весь он до потолка был уставлен кипами «Невы» и «Балтики». Под склад взяли помещение цеха механизации, и все мало. Пришла очередь и красного уголка...

Это, пожалуй, единственный завод в стране, где ритмичная работа вызывает не радость, а печаль... Куда их складывать, эти лезвия? Что с ними делать?

Снова обратились работники завода в Министерство торговли:

— Помогите!.. Заберите наконец наши лезвия!.. Пошлите их куда-нибудь!.. Войдите в наше положение!.. Товар-то мы вам предлагаем не какой-нибудь непредусмотренный, а плановый товар!..

Но в Министерстве торговли и слушать не хотят: мол, кроме вашего ленинградского завода, еще три московских со своими лезвиями заседают, так что зря слезы льете.

Осенью прошлого года, когда в проходах цеха механизации разместили сто десятый миллион «Невы» и «Балтики», на заводе получили многообещающее известие:

«Меры приняты. Заместителю начальника Госплана РСФСР тов. Чадаеву поручено рассмотреть все ходатайства завода и разобраться в этом деле».

Тут же, с места в карьер, чтобы не терять времени попусту, тов. Чадаев в порядке установления объективной истины сделал запрос Министерству торговли о состоянии сбыта бритвенных лезвий.

Ответили тов. Чадаеву из Министерства торговли РСФСР довольно быстро. Из от-

вета нетрудно было понять, что если даже в число возможных покупателей включить младенцев обоого пола, то и в этом случае торгующие организации не выберут с завода более ста миллионов бритвенных лезвий.

Казалось, теперь-то уж будет положен конец этому «плановому» безобразию, особенно нетерпимому в плановом хозяйстве! Думалось, что одновременно будет уточнено, кто же повинен во всей этой истории.

Судя по тому, как вели себя работники Госплана, они тут ни при чем. Очевидно, во всем виновата та самая электронно-счетная машина, на которой плановики определяют «кривую волосообразования» и среднее количество лезвий, требуемое на каждую «щечко-единицу».

Но, как известно, машина, даже самая «думающая», в существо дела вникать не обязана. Машине что? Ее дело — подсчитать цифры. Все остальное должны делать люди, которые в отличие от машин за то и зарплату получают, чтобы думать. И в Госплане РСФСР думают. Неделю, месяц, два, три... и увеличивают количество выпускаемых заводом лезвий до 900 миллионов штук!

А между тем гора невостребованной продукции на заводе растет и растет. Сейчас на складах предприятия лежит уже 120 миллионов штук лезвий. Астрономическая цифра! Не пришло ли время забирать готовые лезвия прямо из цеха, грузить их на машины и везти на склад металлического утиля? А на обратном пути можно на этих же машинах доставлять новый материал для производства «Невы» и «Балтики».

Все это позволит работникам завода раз и навсегда решить проблему хранения лезвий и заодно поднять производство мало-необходимой продукции на небывалую высоту.

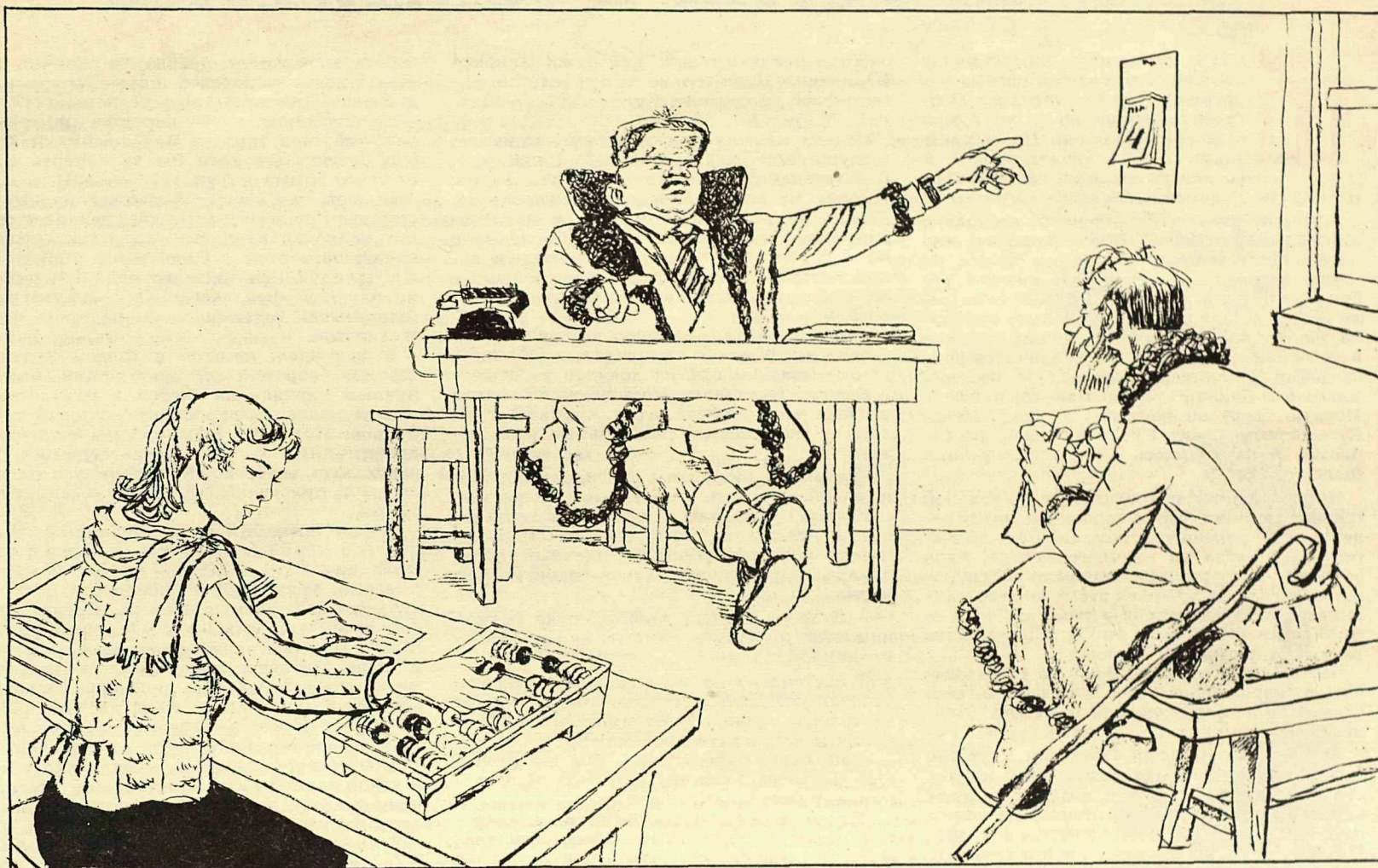
М. ЛЕВИТИН

г. Ленинград.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Между двух огней.

— Михеич, оторви листок с календаря, трудовень запишу.

Что за комиссии, создатель!

Директор Барнаульского завода геологоразведочного оборудования А. Д. Пшеничный шагнул на работу, насивывая себе под нос бравурный марш. У проходной его остановили какие-то люди.

— Доброго здоровьчка! — радостно приветствовали они директора. — Позвольте представиться: сотрудники санитарно-эпидемиологической станции. Хотим проверить, как у вас строятся и проектируются санузлы.

Было бы явным преувеличением утверждать, что директор пылал нежной любовью к проверкам и ревизиям. Однако с любезной улыбкой он ответил:

— Пожалуйста. Правда, времени у меня в обрез, но... коли надо, так надо. Прошу.

В приемной уже столпилось несколько человек.

— Мы из Гослесфонда! — хором представились они. — Расскажите нам, как вы тут лесоматериалы используете?

— Ладно, расскажу, — вздохнул директор. — Прошу.

Прошел час. Директор только собрался идти в цеха, как в дверь просунулась чья-то голова и бодро отпортовала:

— Привет из Краевого ревизионного управления Министерства финансов! Прибыли на предмет проверки хранения...

— Позвольте! — взмолился директор. — Нас нынче уже две комиссии обследовали...

— Ну, что ж, мы будем третьей.

— Вам кого, граждане? — Вопрос адресовался к двум плечистым людям, пытавшимся пробраться в кабинет. — Вы что, тоже комиссия?

— Она самая. Из треста «Водосвет».

КАНЦЕЛЯРСКАЯ «ЗАСТОЛЬНАЯ»

За столом —
Федор Палыч с пером.

За окном —
Металлический лом.
Федор Палыч на раму глядит,
Федор Палыч упрямо твердит:
— Надо срочно создать перелом,
И собрать надо лом за окном!..

Федор Палыч с пером
За столом
Занят думой о ломе всецело...
К сожалению, лом за окном
Потихонечку
Ржавчина
Съела.

В. ИВАНОВ

г. Ленинград.

Директор вдруг рванул ворот рубашки.

— Вон! — прохрипел он, подбираясь к массивному пресс-папье.

— Как вон? В каком смысле вон? — загалдели обследователи, благоразумно ретируясь в коридор, но их место тут же заняли другие.

— Мы из энергоинспекции! — бодро воскликнул один.

— А мы из прокуратуры! — радостно возвестили другие. — Явились проверить, как вы отгружаете готовую продукцию. Позвольте пройти в кабинет.

— Только через наш труп! — угрожающе надвинулись три женщины. — Мы комиссия райфо, и связываться с нами не рекомендуем. Наша проверка важнее всего.

— Вы в этом уверены? — послышался иронический голос. — А вот по-нашему, комиссии управления «Росглавтормета», мнению, важнее всего для завода обеспечить аккуратную сдачу металллома. Эй, папаша, ты куда летишь, как на пожар?

— Проверять состояние и наличие огнетушителей. Я на один час, не более, — прогудел чей-то бас.

Директор лежал в глубоком обмороке. А над его бесчувственным телом затеяли перебранку все одиннадцать налетевших на завод комиссий.

Да, трудно директорствовать в Барнауле!

Н. БАЖЕНОВ

КАНДИДАТЫ В КАНДИДАТЫ

ПЕТРУ Кузьмичу Лимонникову неожиданно и очень сильно захотелось стать ученым. Собственно, вчера он и не думал о лаврах Галилея. Но сегодня вдруг решил окончательно и бесповоротно: «Эх, где наша не пропадала, подамся в ученые!»

Купив в магазине культоваров несколько килограммов бумаги, Петр Кузьмич сел писать диссертацию. Некоторое время он чесал затылок и, задумчиво шевеля губами, смотрел в потолок. Наконец тема была найдена. Она звучала несколько высокопарно, но вполне научно: «Роль указки в усвоении и запоминании различного рода сведений учениками первых — десятых классов». Дальше все пошло само собой. Первую главу он написал с ходу. Петра Кузьмича прорвало. Ручка носилась, как бешеная. Дело ладилось. Скоро диссертация была готова.

Петр Кузьмич, преподаватель начальной школы, не знал, что к вершинам науки ведет дорога, увитая тернием. Поэтому он был потрясен, когда из научного центра, куда он отдал диссертацию, прислали обескураживающий ответ. Смысл этого тонкого дипломатического послания в переводе на русский язык был таков: диссертация прочитана и отправлена в корзину.

Петр Кузьмич Лимонников не стал унывать и скоро забыл о своей неудаче. Он был человеком самокритичным и решил больше не в свои сани не садиться.

Но не таков Николай Иванович Чечулин, бывший преподаватель Калужского пединститута. В свое время он подарил человечеству научный труд под многообещающим названием: «Воспитание сознательной дисциплины у учащихся начальной и семилетней средней школы».

Петру Кузьмичу повезло. Его труд был отвергнут в первой инстанции, и это помогло ему обрести душевное спокойствие.

Николаю Ивановичу решительно не повезло. В 1939 году какие-то явные недоброжелатели — члены ученого совета Московского пединститута имени К. Либкнехта — подложили ему свинью. Они проголосовали за присуждение ему ученой степени кандидата педагогических наук. Здесь бы диссертанту вскочить и закричать:

«Что вы со мной делаете? За что вы меня ненавидите? Что я вам сделал плохого? Переголосуйте и забракуйте мою диссертацию!»

Но вместо такой благородной тирады из уст Николая Ивановича посыпались благодарности, и он благоклонно позволил увенчать себя лавровым венком кандидата наук.

Как и следовало ожидать, научные эксперты Высшей аттестационной комиссии (ВАК) быстро и безошибочно установили, что вклад диссертанта в педагогическую науку был столь мизерным, что его нельзя было увидеть даже в самый мощный микроскоп.

Но претендент на ученую степень не сумел самокритично взглянуть в лицо этому суровому факту. Николай Иванович уже слышал за своей спиной почтительный шепот: «Вот идет он, кандидат наук!» Как приятно было бы, кивнув на томик Руссо или книгу Ушинского, скромно сказать гостям: «А вот это, так сказать, мои предшественники. Коллеги, если угодно...»

И началась великая битва за место под солнцем науки.

В течение двадцати лет Николай Иванович забрасывает бумагами десятки инстанций. Если всю эту бумагу собрать вместе, то вполне может оказаться, что Балахнинский бумажный комбинат в течение года

работал исключительно для нужд Николая Ивановича. Куда только за эти годы не писал жалоб диссертант! Куда он не обращался!

Почему нашему герою непременно нужно дослужиться до кандидата? Непонятно! Ведь ученая степень — это та самая форма, которая не всегда определяет содержание. Можно быть кандидатом наук и не положить на алтарь науки чего-либо ценного. И наоборот: многим людям, никогда не защищавшим диссертаций, рукоплещут в знак благодарности авторитетные ученые советы.

«Но я проделал большую работу! — возразит кандидат в кандидаты. — У меня уйма мыслей! Люди их должны узнать!»

Очень может быть. Но эти мысли можно довести до потомства через журналы и газеты — отраслевые, специальные и массовые.

Уже много раз члены президиума ВАКа, почтенные, всеми уважаемые академики, собирались для того, чтобы гальванизировать покрытое пылью сочинение Чечулина. Члены комиссии листали научный труд, чихали и, сокрушенно качая головами, говорили:

— Нет, что хотите делайте, рука не поднимается присудить степень за этакое творение!

А претендент на кандидатскую степень, утратив уже всякое чувство юмора, сыплет на головы членов ВАКа чуть ли не обвинения в государственной измене.

«Ваш отказ пересмотреть мое дело, — пишет Чечулин министру высшего образования, — играет на руку врагам».

Мы далеки от того, чтобы идеализировать работу ВАКа. Но не кажется ли уважаемому соискателю, что в данном случае он явно хватил через край?

В длинном списке людей, которые недовольны ВАКом, мы встретили фамилию Перминова Н. И., сотрудника Научно-исследовательского института пленочных материалов и искусственной кожи.

Его диссертация была посвящена одной из самых жгучих проблем нашего бурного атомного века. Она называлась «Исследование износостойкости и водостойкости швов верха юфтевых сапог». Лейтмотив диссертации — сапоги не должны пропускать воду — не вызывал никаких сомнений. Против этой железной установки не посмел возразить ни один из членов ВАКа. Никто не сказал ни слова и против другого важнейшего тезиса диссертанта: если шов расколется, сапоги могут пропустить воду. Однако члены комиссии почему-то не торопились присуждать тов. Перминову ученую степень. Полистав диссертацию, они пришли к выводу, что, кроме этих не вызывающих сомнений истин, научный труд не содержит больше никаких откровений. А посему трактат о сапогах был возвращен автору на предмет использования по его собственному усмотрению.

Кстати сказать, ВАК не был одинок в своем решении. Группа военнослужащих, прочитав в «Вечерней Москве» объявление о защите диссертации, прислала в «Правду» письмо следующего содержания:

«Мы — проносившие пятнадцать и более лет армейские яловые сапоги, не знаем случаев, чтобы у сапог порвались швы верха раньше полного их износа или чтобы они пропускали влагу через швы. Считаю постановку этой темы для диссертации неактуальной и сомневаемся, что указанная тема относится к научным проблемам».

А другой читатель в своем письме вполне резонно замечает, что приоритет в тачании юфтевых сапог принадлежит его деду-

чеботарю, который, правда, не окончил даже церковноприходской школы, а уж о кандидатской диссертации и не помышлял.

Но Перминов, грубо нарушив приоритет деда-чеботаря, завалил ВАК письмами, требуя пустить его хотя бы на паперть священного храма науки.

Бывает, человека с большим производственным стажем и хорошей смекалкой осенит неплохая идея. Но вместо того, чтобы подать заявление в бриз, автор садится за диссертацию. Он подводит под свою догадку научный фундамент. Он оболочивает свою мысль толстым слоем научных формулировок.

И вот идея, которой с трудом хватило бы для коротенькой инструкции или в лучшем случае для статьи в ведомственном журнале, раздувается в научный труд. Отныне этот труд торжественно именуется диссертацией. И хотя из диссертации сочится вода, автор храбро взбирается на кафедру и приступает к защите своего сочинения.

Члены комиссии и официальные оппоненты в общем-то не звери, и сердце у них в общем-то не камень. Автора жалеют (все-таки трудился!) и скрепя сердце присуждают ему ученую степень. Правда, после защиты те же члены комиссии избегают некоторое время смотреть друг другу в глаза. Но автор доволен. Он ходит, выпятив грудь колесом, и горделиво поглядывает на сослуживцев. Кандидат наук! Это не шутка! И когда творение такого кандидата отвергает ВАК, автор оскорбляется. Ему мерещатся вылазки недоброжелателей и козни завистников. Он начинает строчить одну жалобу за другой и рассылать их в одну инстанцию за другой.

Претенденты на ученое звание упрямые. В борьбе за вождьденную степень они тратят столько энергии, что ее с лихвой хватило бы для вращения лопастей турбины межрайонной колхозной электростанции. Так, Я. П. Кирпиченков, начальник планово-экономического отдела Омской железной дороги, написал 24 заявления с жалобами на ВАК. А эта диссертация, как ее оценивают специалисты, представляет собой сборник перелицованных и прокомментированных инструкций Министерства путей сообщения. Но упорные атаки на ВАК продолжаются.

Это очень похвально, когда ученые настойчивы в достижении своей цели. Именно это качество позволило им, невзирая на препятствия, открыть, что земля вертится, что энергия не исчезает, а лишь видоизменяется.

Но когда иные люди все свои душевные силы тратят на то, чтобы протащить свой явно несостоятельный труд через ВАК, то это не может вызывать оцаций.

Члены Высшей аттестационной комиссии, кстати, не такие уж черствые люди. Они совсем не скупаются на ученые степени, когда видят перед собой настоящего ученого, приносящего науке действительную пользу. Они без всякой защиты диссертации присудили степень доктора наук известному знатоку Толстого Н. Гусеву, сотруднику Института микробиологии Академии наук СССР А. Егоровой и многим другим талантливым людям.

Но если в науку из честолюбивых, а часто корыстных соображений пытаются пролезть через черный ход, это ни у кого не вызывает сочувствия. И очень жалко, когда члены ученого совета, присуждающие степень, своим либерализмом помогают такой попытке. В храм науки можно пройти только с парадного хода, а пропуском должен служить только один документ: талантливый труд ученого.

В. ТИТОВ

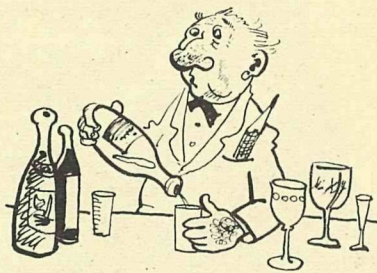

Весна в кафе

Случилось так:
в кафе «Волна»
В разгар зимы
вошла Весна.

Была обычная суббота.
«Волна» была почти полна.
За план товарооборота
Не беспокоилась «Волна».

Поскольку был конец квартала,
Различных вин вполне хватало,
И этот фактор мог вполне
Дать представленье о «Волне».

Шум был вокруг как раз такой
И атмосфера вся такая,
Как будто где-то за рекой
Шумел камыш, не умолкая.

Вся обстановка отражала
Кафе «Волна» унылый стиль:
На листьях фикусов лежала
Доисторическая пыль,

В одном углу стоял буфет
И в нем —
коробки от конфет,

В другом углу —
доска почета,
Как украшение стены,
С роскошным веером из фото
Передовых людей «Волны».

Буфетчик, сумрачный, но бойкий,
Священнодействовал у стойки:
Как строгий химик за столом,
Он наливал в мензурку вина,
Смотрел на свет
и лишь потом
Переливал вино в графины...

И вдруг — Весна!
Весна вошла,
Вошла и столик заняла.

Официантка средних лет
Сказала ей:

— Пломбира нет!
— А нам пломбира и не надо...
— И чаю нет,
и лимонада!..

— Тогда нарзан и два стакана...
— Я вам сказала:
нет нарзана!..

— Тогда прошу вас, если можно,
Две чашки кофе принести
И два каких-нибудь пирожных...
— Каких пирожных?
— Ассорти!..

Официантка злиться стала.
(Напомним: был конец квартала,
И кофе, чай или нарзан
Могли сорвать квартальный план.)

— Ассортимент у нас обычный:
Рагу,
бефстроганов,
форшмак,
Сельдь,
винегрет,
салат «Столичный»,
Вино,
шампанское,
коньяк.

Скорее думайте давайте
И столик зря не занимайте!..

Весна была в большой обиде
И рассердилась наконец!
Она в «Волну» явилась в виде
Двух юных любящих сердец.

Они гуляли и устали,
К тому же начало темнеть.
Они о многом не мечтали —
Мечтали
просто посидеть!

Им захотелось почему-то
Обыкновенного уюта!..
Знать не могли они заране,
Что их в «Волне» совсем не ждут,
Что у «Волны»
в квартальном плане
Не предусмотрен был уют!

Тут нам, весьма возможно,
скажут:
— Таких кафе давно уж нет!
Нам даже, может быть, покажут
Подшивку старую газет,
Из коих каждому известно,
Что даже был такой приказ

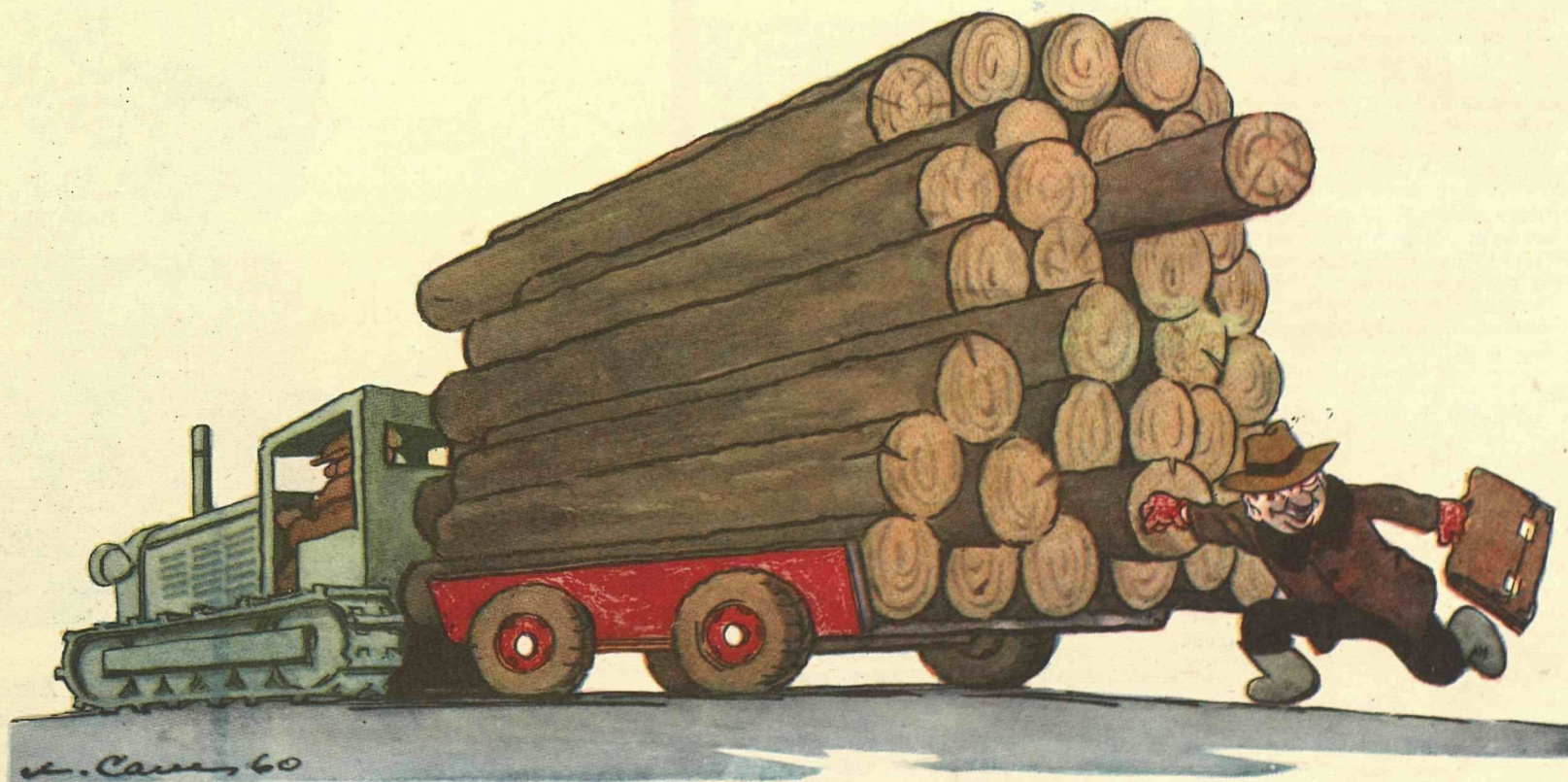
Открыть скорей и повсеместно
Кафе вечерние у нас.

И не для «плана» —
для народа,
Которому давно нужна
«Волна»...
«Волна» такого рода,
Чтобы в любое время года
Туда могла войти Весна!

Газеты эти мы читали.
Кафе открыты были в срок.
Но это было в том квартале,
А тот квартал уже истек!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Тягач и толкач.

ПЕРЕХОЖУ НА КОНФЕТЫ!

почти что сорок лет
ыл противником конфет.

Тратясь на покупку
Дорогого табана,

Дотянул до сорока —
И... (см. стр. 9).

Случится же такое...

КОНКУРС НА САМЫЙ СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ

Наказ старшины

ГОВОРЯТ, автоинспектора во всем мире одинаковы: суровы и неумолимы. Лично я, как водитель-любитель, за свою короткую «авто»-биографию успел дважды убедиться в обратном...

Пронзительный милицкий свисток вблизи площади Восстания заставил меня резко затормозить.

— Ваши права! — лихо козырнув, потребовал старшина ГАИ.

Автоинспектора, кроме вышеперечисленных качеств, всегда бдительны, лаконичны и вежливы.

— Значит, нарушаете?

Вопрос старшины бил по верной цели. Я действительно «нарушил». Ярким вещественным доказательством был абсолютно запрещенный, ослепляющий, полный свет фар моей машины.

В то время как старшина вдумчиво изучал мои права, я трепетным голосом пытался смягчить обстановку:

— Виноват, рассеянность... Много хлопот перед поездкой...

— Все ездят, но правила, между прочим, соблюдают, — назидательно сказал регулировщик, вынимая из кармана квитанционную книжку.

Немедленно полез в карманы и я, но (случится же такое)... ни копейки!

— Право слово, через час уплачу...

Старшина укоризненно покачал головой.

— Место работы? Должность?

— Большой театр. Балетмейстер.

Автоинспектор пристально посмотрел на меня и строго сказал:

— Значит, в Лондон едете, товарищ Лавровский? С нашим балетом? Так-так... Причина, можно сказать, уважительная... но все же нарушение, учтите, налицо...

Он неожиданно протянул мне документы, взял под козырек и весьма внушительно произнес:

— Поезжайте. Но с условием: чтобы там все было как положено!..

Во время лондонских гастролей наши спектакли проходили с нарастающим успехом. Уланову-Жизель англичане называли не иначе, как «Ее Величество Королева балета». «Большой балет» был признан лучшим в мире. Улицы Лондона я переходил по всем правилам уличного движения. Словом, все шло согласно наказу московского старшины. Но...

После одного из заключительных спектаклей в районе Сити, с трудом пробившись сквозь толпу восторженно рукоплещущих англичан, мы подошли к своим машинам. Открывая дверцу, я обнаружил приклеенную к стеклу записку: «Здесь машины ставить запрещено...»

Нарушил! Подвел все-таки старшину!

Читаю записку дальше: «Но с удовольствием ожидаем вторичных гастролей Большого балета. Приезжайте!» Ниже стояли подписи нескольких лондонских полисменов.

Ну, как по-вашему? Автоинспекция во всем мире одинакова?

Л. ЛАВРОВСКИЙ,
профессор, народный артист РСФСР

Мудрый совет

СУТРА в плановом отделе начал звонить телефон. Но сотрудники не горюпились поднимать трубку. Все знали, что это опять звонят Саше Куликову. Ему звонили из десятка разных мест: из комитета комсомола, ДСО, штаба дружины, из суда и даже из какого-то МЖТ-РУ.

Саша пришел в наш плановый отдел прямо из института. Это было всего год тому назад. К Саше присмотрелись и решили вовлечь его в общественную работу. Для начала ему поручили подготовить какой-то экономический вопрос к производственному совещанию.

Это было его первое общественное поручение, которым он очень гордился.

Вскоре выяснилось, что Куликов неплохой организатор, и его избрали в комитет комсомола. Там он хорошо выступал на собраниях, многие восхищались его эрудицией и предложили ему подготовить лекцию о запуске космических ракет.

Через несколько месяцев он уже имел почти дюжину общественных поручений.

Саша приуныл, но по-прежнему резво бегал к телефону и на многочисленные заседания.

Тут, кстати, вспомнили, что у него есть второй разряд по лыжам, и выбрали его в заводской совет физкультуры.

Тогда Куликов выбросил белый флаг. Он пришел к начальнику и подал такое заявление:

**«Начальнику отдела
тов. Филимонову А. И.**

от члена комитета комсомола, профгруппорга планового отдела, члена Общества по распространению политических и научных знаний, председателя жилищно-бытовой комиссии, члена совета физкультуры, секретаря постоянно действующего производственного совещания, секретаря МЖТ-РУ, агитатора, дружинника и экономиста А. Куликова

Заявление

На основании вышеизложенного прошу посоветовать, как мне быть с основной работой.

А. Куликов.»

Начальник пришел в восторг. Он показал заявление сотрудникам, и в плановом отделе целый час стоял хохот.

— Ты прирожденный юморист! — говорили Саше. — Как это мы раньше не знали?..

В этот же день было созвано экстренное заседание профбюро, и Сашу вдобавок ко всему назначили редактором сатирической газеты «Жолочка».

А. НИКОЛЬСКИЙ

Рисунок КУКРЫНИКСЫ. (Из серии работ для сатирического отдела выставки «Советская Россия».)

БРАКО

Сей бесстыдный брак
Очень многих в браке
Мы — не загс район
И порочный этот брак
Регистрируем, но —

акодел
как одел.
нный
как
как
явно незаконный!

Эмиль КРОТКИЙ

Случится же такое...

«Алло! Вы ошиблись номером!»

ТЕЛЕФОННАЯ сеть нашего поселка невелика. Я всех абонентов наизусть знаю. Просят, например, дать столовую орса, или сапожную мастерскую, или какое-нибудь учреждение — соединяю без номера.

Только однажды соединила я одну гражданку с клубом, а она через минуту снова на проводе.

— Я просила клуб, а вы мне что дали?

— Клуб.

— Соедините как следует — и в следующий раз не ошибайтесь!

Заглянув на всякий случай в список абонентов, я еще раз вызвала клуб. И скоро опять услышала голос все той же гражданки:

— Безобразия! Вы путаете, а мне говорят: «Вы ошиблись номером!»

Еще раз тщательно провожу соединение. И слышу, как гражданка спрашивает:

— Это клуб? Что у вас сегодня на экране?

«Алло! — отвечают ей. — Вы ошиблись номером!».

Теперь я догадалась, в чем дело. Чувствую, женщина кипит, как медный самовар, и обрушивает на мою голову страшные проклятия. Я не выдержала:

— Успокойтесь, гражданка! «Алло! Вы ошиблись номером!» — это новая картина.

На другом конце провода послышались частые гудки.

С. ЛУПСЯКОВА

Карагандинская область.

Это тоже смешно...

ОСЕНЬЮ прошлого года я проходил курс лечения на одном западном курорте. Там я встретился с известным американским киноактером. Возможно, наши зрители его помнят по некоторым фильмам, которые шли на наших экранах: «Сестра его дворецкого», «Первый бал». В «Знаке Зорро» он играл толстого монаха, очень ловко дерущегося на шпагах. В другом фильме он ударом бича выбивал из зубов своего противника сигарету.

Я поинтересовался, был ли это операторский кинотрюк или он действительно так ловко орудует бичом.

— Это не трюк, — ответил он, — я два месяца тренировался с инструктором-тренером. Мало ли что приходилось делать! Вообще в моей артистической биографии немало смешных случаев...

И он рассказал мне эпизод, который, я думаю, развеселит и вас. Назову его

ХУДАЯ СЛАВА

«Я начал свою карьеру киноартиста в гангстерских фильмах. Сыграл десятки ролей. Делал все, что полагается в таких фильмах: грабил банки, стрелял, в меня стреляли, удирил на автомобилях, изображал всяких злодеев. Случалось мне получать письма от настоящих гангстеров. Письма такого рода:

«Довольно тебе на нас зарабатывать! Пора поделить с нами твой гонорар».

Но в общем все шло благополучно. Однажды после такой трудной работы я решил побывать на берегу океана и отправился в своей машине на отдых с женой. Ехали мы довольно быстро. На

дороге, очевидно, что-то произошло, какое-то нарушение правил, потому что за нашей машиной погнались два мотоциклиста дорожной полиции. Дали мне сигнал остановиться. Останавливаюсь. Вижу, сквозь стекло в меня пылливо всматривается полицейский.

— Выходи из машины!

Я вышел, а он упирает мне в живот револьвер.

— Руки вверх!

Поднимаю руки. Подъезжает второй полицейский и тоже лезет за револьвером. Жена смотрит на эту сцену с ужасом.

— Не опускай руки! Документы!

Другой полицейский лезет мне в карман, достает документы. А я стою с поднятыми руками.

— Кто такой?

Называю себя. И вдруг оба полицейских начинают хохотать.

— Это вы играете гангстеров? А я вижу подозрительную рожу и думаю: где-то я ее видел? Решил, что в полиции, где собраны фотографии всех знаменитых гангстеров. А я, оказывается, видел вас в кино. До свидания. Извините — и счастливого пути!

Вот тогда я понял, что моя слава — в общем худая слава. После этого я сыграл много хороших, настоящих ролей, играл порядочных людей, но не имел успеха ни у гангстеров, ни у полиции. Но я об этом не жалею, хотя и утратил некоторую долю популярности».

Лев НИКУЛИН

Запоздалая чуткость

ВНАЧАЛЕ декабря я наконец получил квартиру и был счастлив безмерно. Радовалась и моя семья.

И вот через несколько дней после новоселья раздался стук в дверь. На пороге стоял сосед по старой квартире, подросток, которого мы прозвали «Федя-космонавт». Улыбаясь, он закричал:

— Дядя Ваня, танцуйте: вам письмо!

Думая, что письмо мне прислал сын из Братска, я немножко поплясал. Потом раскрыл конверт и прочитал:

— «Райжилуправление Подольского района сообщает, что ваша просьба об ускорении предоставления квартиры рассмотрена на исполкоме и решено, что проситель состоит в списках на получение таковой в 1960 году и ранее предоставить квартиру не имеется возможным. Начальник РЖУ Носаченко».

Тут мы все от хохота так и повалились на пол. Нам стало ясно, что письмо явилось результатом расчисти служебного стола начальника РЖУ, и он, не затрудняя себя проверкой, накатав мне очередную отписку.

В новогоднюю ночь я поднял бокал за чуткость к человеку.

Ив. БЕЗУГЛОВ

г. Киев.

...бросаю трубку!

Некурящий КРОКОДИЛ

РЕКЛАМА И ФАКТ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Раззвонили о новом репертуаре...

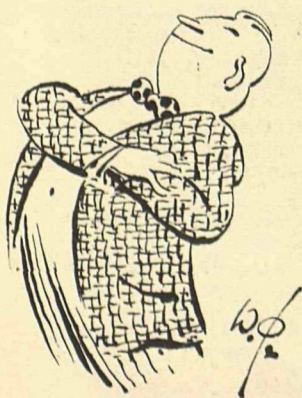
...и поставили.

Кричали о современных пьесах...

...и поставили.

Делали вид, что идут в ногу со временем...

...и поставили.

Дяденька лучил рифмы

Тоненькие пальчики играли,
День лучился струнным серебром.
Козлики бодались на рояле,
Строчки возникали под пером.

Николай Сидоренко
«Девочка играла гаммы».

Кошечки подрались у забора,
В огороде веет бузиной.
В Киеве жил дяденька Егоров,
Шелестит орбитой шар земной.
Струны нежно слезочки роняли,
Мысли были длинны и пусты.
Петушочек снесся на рояле,
Разлетелась лирика в куски.
Во дворе грустят пустые бочки,
Время тешет сутки топором.
Второпях возникнувшие строчки
Я струю замученным пером.

Юрий НЕХОРОШЕВ

Стандартная- лирическая

Вариант 1-й (плетневый)

У плетня стоит красавица,
и стоит не первый день.
Ей, наверное, не нравится
подпирать собой плетень.

Явно хочется много ей,
да и ноженьки болят,
но традиции суровые
отлучаться не велят.

Потому что по традиции,
власть которой велика,
обязательно случится ей
здесь увидеть паренька.

Неприменно с разговорами
к ней он станет приставать:
мол, скажите мне, как скоро мы
с вами встретимся опять.

Разрешите биографию,
мол, красавица, спросить,
дайте вашу фотографию
мне на сердце поносить.

Вот она с того и мается
у плетня который день,
а парнек, что называется,
тьнь наводит на плетень.

* * *

Вариант 2-й (колодезный)

У колодца по-другому
паренек себя ведет:
у девицы незнакомой
неприменно воду пьет.

Парень робок здесь на диво,
не щадит свое утро:
выпивает молчаливо
он четвертое ведро.

И девица дело знает,
и она не подведет:
в разговоры не вступает,
только ведра подает.

Все же девушке придется,
видно, стать его женой,
а не то совсем сопьется
этот парень водяной.

Вадим БАБИЧКОВ

Сквозь песельный сон

Есть город на свете. Зовут:
Кострома.
Там крепко из бревен сидят терема.
Там лес бородастый, как дед Зимогор.
Сосновой дрючиной стучится
во двор.

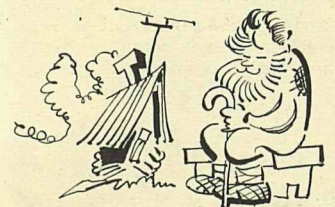
И пахнет на Волге брусничкой
и мхом...
А, впрочем, я не был во граде таком.
Николай Тряпкин
«Кострома»

Сижу на печи я с неведомых пор
В штанах домотканых, как дед
Зимогор.
На плечи наброшен сермяжный
кафтан,

Тот самый, что мне
прапрабабушкой дан.
В соседстве со мною, страшна
и строга,
На зелье вонючем колдует Яга.
Я вирши слагаю, усердно

тружусь,
Мерещится барду посконная
Русь,
И в думах причудных, сквозь
песельный сон,
Я слышу лесов перегуд-
перезвон...
Мне дорог дремотный покой
избяной.
Сижу на печи и дышу стариной.

С. ПЛОТНИКОВ

СЛУЧАЙ С КРИТИКОМ

Никем не хваленную книжку
В газете критик похвалил.
Не так, чтоб очень, и не слишком,
Как говорится, «в меру сил».

Коллеги вмиг раскрыли нити,
Невидимые миру, тут.
Один сказал: «Все ясно! Критик
И автор книжки вместе пьют».

Другой двусмысленно заметил,
Что факт иной здесь налицо:
«Редактор в книжке и в газете
Фактически одно лицо».

А третий, опытный хитрюга,
Развеял все легенды в прах,
Сказав, что автор книжки друга
Имеет кое-где в верхах...

Все варианты перечислив,
Они расстались не спеша,
Не допустив одной лишь мысли,
Что книжка просто хороша.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

ИЗ ДВУХ ЗОЛ...

АМЕРИКАНСКАЯ комиссия по атомной энергии недавно организовала охоту. Она охотилась за часами фирмы «Ролекс-мастер», циферблат которых, как это выяснилось, содержит вредный для организма человека радиоактивный стронций-90. Комиссия приняла все меры, включая обращение через газеты и радио, чтобы вредоносные часы были предоставлены ей на предмет замены циферблатов.

Что тут скажешь? Хорошо. Хорошо, трогательно и гуманно поступает американская комиссия по атомной энергии. Стронций-90 нужно изымать отовсюду, где бы он ни объявился.

Крокодил даже побежал на почту, чтобы послать комиссии теплую, приветственную телеграмму, но на полдороге остановился в глубокой задумчивости.

«Где же логика? — подумалось ему. — С одной стороны, комиссия беспокоится по поводу вреда, который могут принести несколько сотен радиоактивных циферблатов, а с другой — она категорически настаивает на возобновлении атомных испытаний. В результате атмосфера загрязняется тем же стронцием-90, причем атомные взрывы причиняют человеку в тысячу раз больший вред, чем какие-то циферблаты»

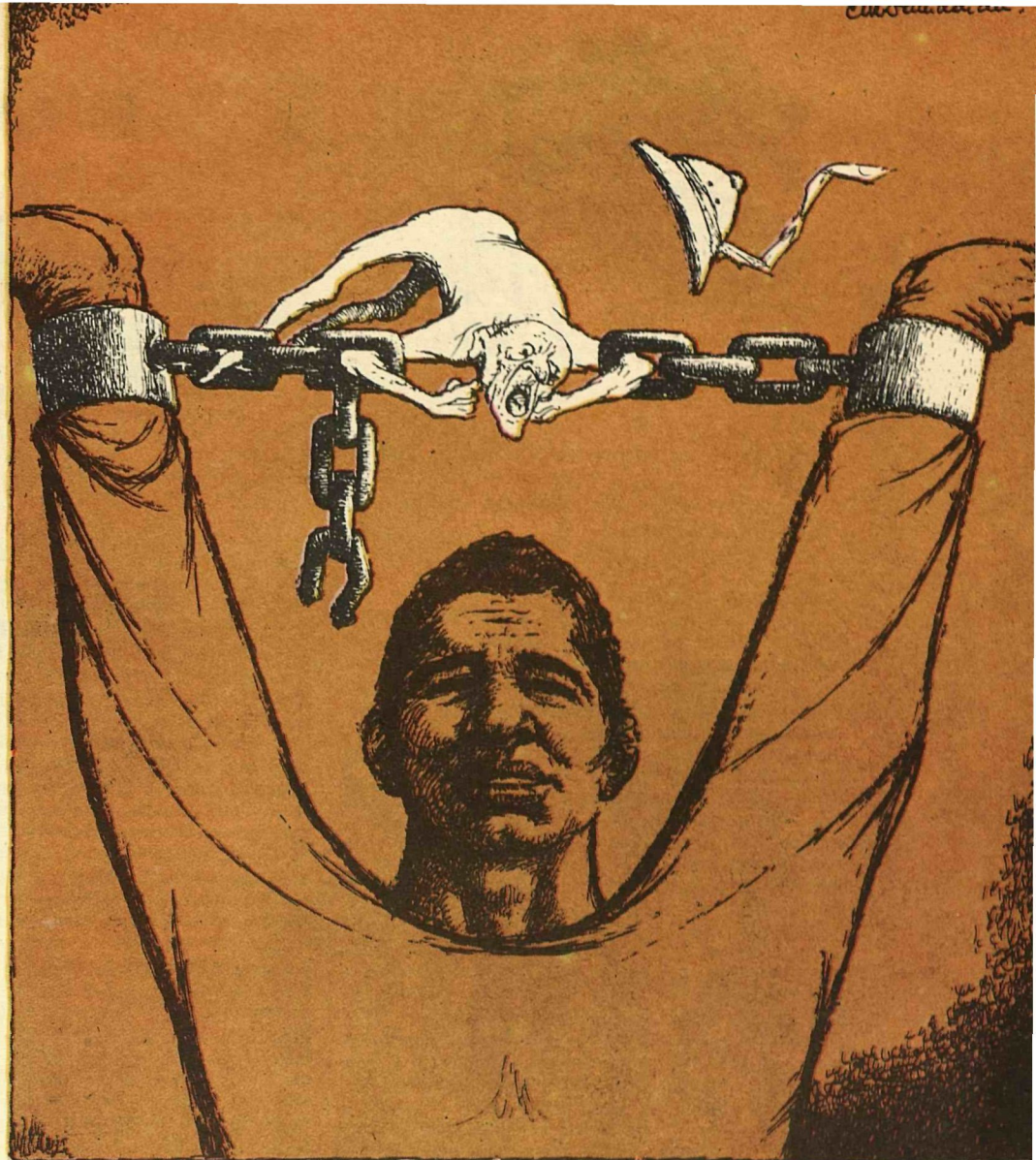
Вот почему Крокодил склоняется к мысли, что упомянутая комиссия руководствовалась не столько чувством гуманности, сколько соображениями экономии.

Пожалуй, комиссия по атомной энергии поступила честней, если бы опубликовала такое обращение к владельцам «ролексов»:

Внимание владельцев часов фирмы «Ролекс»! Американская комиссия по атомной энергии просит представить эти часы для замены циферблатов. Было бы эгоистично облучаться стронцием-90 в одиночку. Во время предстоящих атомных взрывов, за возобновление которых мы боремся всеми силами, мы гарантируем честное и справедливое облучение радиоактивным стронцием каждому американцу. Употребив ваш радиоактивный циферблат для столь демократических целей, мы тем самым сэкономим ценное сырье и лишним раз докажем миру, что радиоактивное облучение в США доступно не только владельцам дорогих часов, но и каждому гражданину.

☆☆☆

Остается только с сожалением констатировать, что американская комиссия по атомной энергии, собрав у себя кучу часов, совершенно не обращает внимания на стрелки. Между тем время-то сейчас вовсе неподходящее для того, чтобы убеждать людей в необходимости возобновления атомных испытаний.

Падают цепи колониализма.

Рисунок румынского художника Чика ДАМАДИАНА.

Модернизм — это смелость. В самом деле. Тряпку, испачканную красками, простой смертный выбрасывает. В лучшем случае сдает в прачечную. Модернист натягивает ее на подрамник и провозглашает революцию в искусстве.

Сколько модернистов, столько и «революций». О некоторых из них, правда, сейчас не вспоминают даже историки модернизма, но вот «революционные» идеи Марселя Дюшампа оказались заразительно стойкими.

В свое время Дюшамп прославил себя тем, что пририсовал Джоконде усы. И с его нележкой руки творение великого Леонардо да Винчи стало объектом самого беспардонного трюкачества и надругательства.

Вот открытка, выпущенная в Соединенных Штатах. Она снабжена оптимистическим призывом: «Улыбайтесь!» Видимо, ее творцы допускают все-таки и другую реакцию на столь вольное обращение с бессмертным шедевром.

Еще дальше шагнул в развитии «революционных» идей Дюшампа испанский художник Сальвадор Дали. Это и понятно: ведь Дали, по утверждению американского искусствоведа Флер Коулз, — гений! Впрочем, о гениальности

ОСКВЕРНИТЕЛИ ПРЕКРАСНОГО

сеньора Дали свидетельствует не только Флер Коулз, но и та гениальная непосредственность, с

какой Дали ответил на вопрос, кто его любимый художник: «Я!»

Гениально-эксцентричны и шутки, какие позволяет себе Дали. Рембрандт, например, не написал о себе даже брошюры, а Дали издал целую книгу «Тайная жизнь Сальвадора Дали».

В репродукцию знаменитой Джоконды Дали вмонтировал свой портрет: фатоватые усы, мешочки под глазами и волосатые руки, из которых струятся горячо любимые им золотые кружочки.

Дали заявил при этом, что так же, как загадочная улыбка Джоконды, отныне людей будет волновать его загадочный афоризм: «Она — это я, и я — это она».

Это, так сказать, практика модернизма. А вот и теория. «Возьмите Джоконду, — рекомендует французский теоретик Жан Марга, — вырвите ей глаза, скрутите ей рот или нос, исколите ее булавками из нержавеющей стали, окуните ее в болонский соус...»

Дали объявил себя невменяемым. По его словам, за кисть он берется, лишь когда чувствует приближение очередного приступа помешательства. Конечно, это не

более чем своеобразное кокетство: в кругах его поклонников сумасшествие считается признаком утонченности и исключительности. А впрочем... Впрочем, гля-

дя на творения Дали и его соратников по походу против прекрасного, пожалуй, можно поверить в их невменяемость.

В. БОГДАНОВ

Позвольте
познакомить:

В СОЛДАТСКОМ РАНЦЕ-

Сногшибательная карьера

Доброволец западногерманского бундесвера Мартин Биспамке, тупой и работящий карьерист, по глупости выбалтывающий в своих малограмотных посланиях родственникам, девицам, невесте и официальным лицам правду о возрожденной в аде-науэровской Германии гитлеровской казарме, бесславно кончил свою карьеру: он потерял обе ноги под гусеницами американского танка. Таково вкратце содержание новой сатирической повести западногерманского писателя Карла-Людвига Опица.

Сатира попала точно в цель. В ФРГ не замедлили наложить запреты на распространение этой книги.

Ниже мы даем с некоторыми сокращениями несколько писем Мартина Биспамке.

2-й танковый батальон,
Рейн-Вестфалия, 17.4.57 г.

Дорогой Жорж!

Это совершеннейшая наглость. Равно как и грех перед богом и фатерландом. Я имею в виду письмо, которое ты мне написал. Очень уж мне охота показать его моему господину капитану. Врешь, что я пошел в бундесвер, потому что туп для своей профессии. Бреешь, что мой отец — социал-демократ. Он только притворяется, потому что он привратник в доме, где заседают бундеспрофсоюзы. Зато ты большевик! Не твоё собачье дело, собираюсь ли я помогать сбрасывать атомные бомбы. Не тебе их оплачивать. Если я салютую офицерам, проигравшим войну, это вовсе не значит, что меня оболгали.

Дорогой мой! Могу тебе только посоветовать: возьми себя в руки. А то и ты угодишь когда-нибудь в концлагерь. Там и место врагам государства. Давай не будем ссориться. Мы старые друзья. И ты должен сделать, чтобы Лиза меня здесь не навещала. У меня здесь другая. Та, с отменным бюстом, о котором я тебе уже писал. Будь добр, втолкуй Лизе, что я прохожу усиленную боевую подготовку. В такое время мне нельзя мешать.

Дорогой Жорж! Хотя ты и заблуждаешься, я буду с тобой и дальше знать. Сообщаю тебе, что скоро получу повышение и стану ефрейтором. Я буду инструктором и воспита-

телем. Деньги на выходную форму я уже набрал. В субботу и воскресенье здесь была Лилли и с удовольствием меня финансировала. Она на меня надеется и мне вполне доверяет. У нее великолепная фигура и отличный темперамент. Я ею очень доволен.

Дорогой Жорж! Давай не будем ссориться. Поэтому я хочу, чтобы ты усвоил нашу политику. Меня вообще не касается, что твоя сестра и шурин живут в Лейпциге. Мы будем стрелять во всех врагов, когда нам надо будет стрелять. Даже если они живут в Саксонии. Почему они не перебегают в ФРГ? Наш господин капитан постоянно предостерегает от замаскированных коммунистических лозунгов, к которым и ты привержен. Как жаль, что ты не можешь посмотреть на ее бюст! На бюст Лилли. Он тебе определенно понравился бы. Вчера нам разрешили пройти строем на сельскохозяйственную выставку и осмотреть отборный рогатый скот. Господин министр сельского хозяйства имел личную беседу с нашим господином капитаном. Так что мы не должны забывать о восточных землях. Они нам жизненно необходимы для пропитания народа. В заключение мы были гостями на заводе «Кока-кола». Этот освежающий напиток сплавивает воедино всех солдат НАТО.

Дорогой Жорж! Давай не будем спорить! Я верю им — и господину нашему священнику и господину бундесканцлеру. Не тебе с ними

тягаться. Я принадлежу к избранным нашего народа. Это подтвердил и господин министр обороны ФРГ. Пройдет немного времени, и я получу повышение и буду кое-что значить. Тогда мне будет наплевать, какое у кого образование. Главное, чтобы все было в порядке по военной линии. Никто не посмеет смотреть на меня косо. Впредь это будет строго наказуемо. Так говорит наш господин лейтенант.

Дорогой Жорж! Давай останемся хорошими друзьями. Я могу лишь удивляться, что ты в стороне. Наш господин капитан сказал: «За всеми, кто не записался добровольно, надо особо присматривать». Ты еще можешь этого избежать. Подумай хорошенько и при всех обстоятельствах не допусти, чтобы Лиза сюда приехала. Мне это сейчас ни к чему: вредно для моей репутации.

С множеством приветов твой друг Мекки, заместитель старосты спальни и стрелок-наводчик танка. Одновременно я попросил бы тебя не писать мне больше таких антигосударственных писем. Иначе я буду вынужден прервать нашу тесную связь.

2-й танковый батальон,
Зольтау, 1 мая 1957 г.

Фрейлейн Лилли Обермайер!

К сожалению, я вынужден письменно поставить вас в известность, что впредь я не могу

ПОД ЗНАКОМ СВАСТИКИ

Мутная волна возрождающегося фашизма, захлестнувшая Западную Германию, вызвала во всем мире бурю возмущения. Три рисунка, которые мы публикуем, зло высмеивают нынешние боннские нравы.

АДЕНАУЭР: — На этом я тоже ставлю крест...

Рисунок КАМБА (Франция).

Боннский Пилат умывает руки.

Рисунок Гизи СЕГЕ (Венгрия).

МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ!

бравого солдата бундесвера

вступать с вами в связь. Со стороны начальства мне было указано на тот факт, что ваш покойный отец в 1919 году участвовал в революционных боях в пределах города Киль. В качестве почтенного ефрейтора нашего уважаемого бундесвера, в коем ранге имею честь состоять с ранних утренних часов сегодняшнего дня, я не могу в дальнейшем разрешить себе связь предательского характера.

**Мартин Биспамке,
ефрейтор бронетанковых сил.**

Дотация, предоставленная мне вами добровольно, при случае будет вам возвращена. Наличными.

*2-й танковый батальон,
Зольтау, 17 мая 1957 г.*

Дорогой Виктор!

Я прямо-таки взвился на табурете. От радости. Как только я имел честь прочитать в газете, что ты вышел в настоящие политики. Я имею в виду в профессиональные. Сперва я не мог этому поверить. Но ведь в политике случаются невероятнейшие происшествия. Теперь тебе уже не придется стоять у пивного крана в твоём заведении. Да еще выслушивать болтовню безмозглых людей. Но, наверно, и это было полезной тренировкой для твоего будущего поста, которого я тебе от души желаю. Только не давай им спуску. Руби все с плеча.

Дорогой Виктор! Обещаю и в дальнейшем наши семейные торжества праздновать в твоём «Глухаре». Дорогой Виктор! С тихой тоской я вспоминаю те отменные часы, которые нам дано было провести в твоей процветающей пивной. Ты всегда наливал нам сполна. Уж тут тебя никто не может заподозрить. Нас всех когда-нибудь зовет фатерланд, каждого на положенное ему место. Мне было дозволено избрать военное ремесло. Тебе надо поскорей надеть всяких законов. Против любого осрамления нас. Точно так сказал и наш господин лейтенант.

Какой ужас, чего только не приходится нам терпеть! Одна опустившаяся девица написала

мне, будто я негодяй. За такое надо беспощадно наказывать. А также надлежит запретить смеяться, когда наш господин министр обороны обращается к народу по радио. Как это произошло, к сожалению, здесь в одной пивной.

Дорогой Виктор! Наша любимая христианско-демократическая партия — это дар Германии от господ бога. Дело теперь только за тем, чтобы мы друг другу содействовали. Кроме того, очень важно, чтобы старых офицеров поскорей вернули на службу. И гражданские суды не должны ковыряться в солдатских правонарушениях. Это дело военных трибуналов. Точно так же не мешает обдумать введение смертной казни за отказ от военной службы, связав это с предательством родины.

Дорогой Виктор! Теперь ты уже человек. Теперь тебе уже незачем полоскать грязные пивные кружки. Хватит одной политики. К тому же проезд у тебя бесплатный в поезде — первым классом. И освобождение от налогов и суточные. Это я охотно буду защищать. Для того я и существую. Я точно помню, еще в писсуаре ты мне сказал, что дашь себя выбрать. Я не мог этому поверить. Неисповедимы пути нашей великой партии и ее фюреров.

Дорогой Виктор! На твоём трудном посту служения нашему высокочтимому господину бундесканцлеру я желаю тебе от всего сердца получить соответствующую поддержку избирательских масс. Можешь рассчитывать и на меня.

Дорогой Виктор! Я живу хорошо. Я здесь инструктор и воспитатель. Я точно соблюдаю предписания, потому все идет как по маслу. Вчера мы наехали танком на одного новобранца. К сожалению, он стоял на пути вопреки всем предписаниям. Ему обеспечены похороны на государственные счеты. Сегодня после обеда я буду тренировать моих людей в опускании гроба. Чтобы опустили как положено. По состоянию здоровья новобранцы на низком уровне. Духовно же они весьма активны. Они все подписались на «Солдатскую газету».

С чем я тебя и приветствую, как член твоего избирательного округа.

Мекки, ефрейтор бронетанковых сил.

Было бы хорошо мне попасть в караульные батальон. А также на танцевальные курсы.

*Федеральный военный госпиталь,
Вандсбек-Гартенштадт, 9 ноября 1957 г.*

Почтенная фрейлейн Клоппшмидт!

Господин унтер-офицер Биспамке поручил мне передать вам его самые сердечные приветия и при сем приложить его последнее письмо. Ваш нареченный хорошо перенес ампутацию обеих ног. Учитывая травмы, полученные вашим нареченным во время ночных учений, следует считать, что он довольно быстро оправился и находится на пути к выздоровлению. Мы все наблюдаем его прогресс с радостью и надеждой. Если не наступит никаких осложнений, ваш нареченный вернется весной домой здоровехонек.

С глубоким уважением, по поручению Биспамке.

Нейман, санитар-ефрейтор.

Гермерсхейм, 4 апреля 1958 г.

Господа из министерства бундесвера, включая и министра!

Я имею срочные основания послать вам это собственноручное письмо. Поскольку мою память все больше и больше будоражит ваша психологическая атака, которая когда-то побудила меня вступить в ваш бундесвер, на основе ваших различных обоснований, почему необходимо возрождение всеобщей воинской повинности в нашей Федеративной республике. Вы тогда утверждали, что мы, солдаты бундесвера, будем жить гораздо лучше, чем жили на военной службе наши отцы. Что мы сможем класть наши усталые головы на матрацы из пенопласта. Что мы, солдаты, так сказать, представляем из себя бюргеров высшего разряда в хорошо сшитых формах. Что наши вновь отстроенные казармы будут меблированы изысканной мебелью. Что еду нам в казарме будут подавать на красивой посуде кельнерши. Что мы получим во владение прилично пошитые мундиры и входящие в их состав штаны. Что нас не будут обучать владению атомным оружием. Что мы, как солдаты соединения НАТО, будем всюду в Федеративной республике в высокой чести, даже у девиц из самых лучших домов. Что больше не будет никаких «лечь-встать». Что род оружия можно выбирать по своему вкусу. Что не будет принудительных походов в церковь. Что ужины будут вкуснейшие и обильные. Что не будет больше марш-бросков. Что все выдаваемые подштаники будут классно сидеть. Что не придется вкалывать больше сорока пяти часов в неделю. Что не придется без конца стоять по стойке «смирно». Что все вообще будет проходить весьма непринужденно. Что пособия семьям будут высокими.

Но я хотел бы вам сказать еще кое-что, совсем другое. Что мне для этого просто жалко бумаги. Что вы клялись, будто бундесвер создан для обороны. Что вы когда-нибудь еще скажете, что нападение — лучшая форма защиты. Что следовало бы вам самим с оружием в руках защищать свои загородные виллы. Что мне до зарезу не терпится написать вам нечто другое, если бы оно не каралось по закону. Что вы больше не соблазните меня своей военной лямкой.

С тем и остаюсь ваш глубоко пораженный в ноги и во все остальное

Мартин Биспамке.

Перевод с немецкого Л. РУДНОЙ.

ШРЕДЕР (министр внутренних дел ФРГ): — Мы твердо намерены выяснить, чьи это следы!

Рисунок ГЕНДРИХА (ГДР).

Разукрасила...

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

«Он меня любит!..»

3 АЧЕМ ты мне все это говоришь, я совершенно не понимаю. Он меня любит, я знаю! Ну и вот!

Две девушки идут с фабрики, с ночной смены. Те, что постарше, обгоняют их, торопятся домой: у них семья, хозяйство. А эти идут медленно — у них разговор о любви.

Это один из самых интересных разговоров на свете. Для тех, кто немедленно захочет возразить, подчеркиваю: не самый интересный, а один из самых. Особенно для девушек, которые ждут счастья и верят, оно придет. Завтра. Или на будущей неделе.

— И не говори мне, пожалуйста, что я должна к нему как-то особенно присматриваться! Я знаю его, как никто! Ах, Клавка, разве ты в этом что-нибудь понимаешь? Ты не сердись, но ведь ты же сама говоришь, что некрасивая.

— Я не сержусь. Конечно, некрасивая, толстая, семьдесят четыре кило. И лицо в веснушках... Ну и что?

— А то, что ты не испытала настоящей любви. Клавка, только дай мне честное слово, что ты никому не скажешь!

— Честное комсомольское.

— Тогда слушай. Ты помнишь, я в субботу удрала с репетиции, сказала, что у меня болит голова? Никакая голова у меня не болела. Просто я увидела, что Игорь уходит из клуба. Ну, и я за ним.

— Ой, Людка!..

— А что? Ты только никому не говори. Я его догнала. Идем и идем. Молчим и молчим. Сердце у меня бьется — ужас! А в душе такие хорошие слова: «Игорек, миленький, родной!» И я чувствую, что больше не могу. Набралась смелости и говорю: «Игорь, ты ничего не замечаешь?»

— А он что?

— Он говорит: «А чего я должен замечать?» Я глаза зажмурила и одним духом: «Игорь, я тебя люблю...»

— Сама? Ой, Людка!

— Ты, Клавка, решительно ничего не понимаешь, а он... Когда я сказала, что я его люблю, он сейчас же вынул руку из кармана и обнял меня. И — ты только, Клавка, никому не говори — мы гуляли до трех часов ночи. И так целовались!.. Я тебе даже передать не могу!

— А что потом?

— А потом он говорит: «Идем к нам, посидим, родителей нету дома».

— И ты пошла?

— Нет, в этот раз не пошла. А вообще пойду. Я ему верю безоговорочно, больше, чем самой себе. Понимаешь, Клавка?

— А чему ты веришь-то? Он ведь тебе даже ничего не сказал, не объяснился. Нет, Людка, ты просто с ума сошла! Про Игоря Мешалкина рассказывают, что он уже два раза был женат, и все знают, что он гулял с Нюрой Котельниковой.

— Ну и что ж из этого? Они все были дуры неинтересные. Нюрка двух слов связать не умеет. А он парень развитой, ему хочется культурно общаться с девушкой. До сих пор он ошибался. И я не буду его осуждать за это. Я ему говорю: «Игорь, я еще никого не любила так, как тебя».

— А он что?

— Он говорит: «Вот и хорошо».

— Еще бы ему не хорошо! Людка, у тебя нет ни капли девичьей гордости!

— А у тебя есть, да? Вот ты и сиди одна со своей гордостью! Тебе просто завидно. И другим тоже завидно, поэтому все и читают мораль. Я думала, мы с тобой поговорим обо всем, как подруги, а ты...

...Прошло некоторое время, и вот уже девушки опять вместе. Сидят и сочиняют письмо в редакцию.

— Клавочка, миленькая, пожалуйста, пиши: «Уважаемый товарищ редактор!» А что потом?

— Рассказывай все, как было. В редакцию врать нельзя. Начнем так: «Вы в своем журнале освещаете всякие аморально-этические вопросы. У меня возник как раз такой вопрос».

— Правильно. А дальше так: «Я встретила с одним парнем (имя не обязательно, поставь буквы: И. М.). Мы с ним страстно полюбили друг друга».

— Людка, ну вот ты уже говоришь неправду. Игорь совсем тебя не любил.

— Клавка, кому лучше знать? Пиши: «Мы с ним дружили два месяца».

— Это что значит — дружили? Вы целовались, а не дружили. И еще...

— Ой, Клавка, молчи, я чувствую, что мы опять с тобой поссоримся! Продолжай: «Я верила ему беззаветно, больше, чем себе самой».

— Ему и на работе никто не верил.

— На работе одно, а в жизни совсем другое. Не сбивай меня, пожалуйста! «Я ему по... по... полностью отдала свое сердце».

— Да не реви ты! Теперь слезами не можешь.

— «А он... а он грубо растоптал его своими ботинками на микропористой по... по... подошве».

— Для редакции совершенно не важно, на каучуке или на микропорке.

— Ты же сама говоришь: надо писать правду.

— Так ведь не про подошвы!

— Я и так... про любовь. Давай дальше: «Мне, товарищ редактор, очень хотелось создать прочную семью, и я даже ни перед чем не остановилась. По первому требованию пришла к И. М., когда его родителей не было дома».

— Людка, какая же ты врунья! Ты же говорила, что не ходила к нему!

— Мало ли что я тебе говорила, я даже не помню. Да теперь это уже не важно. Важно, чтоб о нем написали в журнале, не называя фамилии. Может быть, он прочтет и раскается. Ну, а если так: «Товарищ редактор, прошу вас, помогите мне. Я считаю, что нужно каленым железом прижигать тех молодых людей, которые сперва активно идут девушкам навстречу, а потом поворачиваются к ним спиной». Ой, Клавка, как здорово получилось, верно? И еще нужно добавить: «Если девушка объяснилась парню в любви, то он должен оценить красоту ее души и полную готовность к самопожертвованию и... и немедленно на ней жениться!» Вот, пускай теперь прочтет в газете.

— И что будет?

— Что? Ох, Клавочка, миленькая, я сама не знаю, что будет. А пока мне так плохо, так плохо, я тебе даже передать не могу. А все-таки ты во всем виновата. Если бы ты меня вовремя удержала...

— Людка, да ты в уме? Разве я тебя не удерживала?

— Не помню. Я помню только, что я и в рассказах читала и видела в кино, как девушки первые объяснились в любви, а ребята им попадались все такие сознательные... Но ведь нельзя же у каждого парня спрашивать: «Вы сознательный или несознательный? Вы просто так время проводите или хотите жениться?»

И под конец обязательно надо написать: «Товарищ редактор, сделайте, чтоб ему было стыдно, как в картине «Человек родился».

— Может быть, хватит? Ты же видела, что он в точности такой тип, как в картине. И все-таки вешалась ему на шею. Где у тебя были глаза, где была девичья гордость? Ну?

— А если нет у меня этой гордости, тогда что? Вот я и пишу в редакцию, чтобы мне помогли. А как же иначе? Только так, и больше никак!

Барвара КАРБОВСКАЯ

«Динь - динь - лень!..»

«У меня зазвонил телефон.— Кто говорит? — Слон.— Откуда? — От верблюда...»

Папа отложил в сторону книгу и со вздохом подумал, что ему тоже необходимо «позвонить». Для выполнения этой процедуры он почему-то отправляется на балкон.

— Ау! Эге-ге! — кричит он, свешиваясь через перила.— Пал Палыч! Ау! Дозвони... то есть... это... дозовитесь до Василь Петровича из шестого корпуса. Пусть он докричится до Кузьмы Ивановича из восьмого и передаст его Кольке, что мой Сережка завтра в школу не пойдет! У него ангина! Сейчас буду до врача докрикиваться...

Именно так тысячи новоселов Соцгородка Челябинского металлургического завода вынуждены разговаривать между собой. Связь осуществляется по древнему принципу: «Ау! Ау!».

Лишь немногим счастливицам удалось присоединиться целой гроздью, по пять абонентов сразу, к одному номеру старенькой АТС. И получается, что литейный цех осаждают заказами на брюки из

материала заказчика, а в бухгалтерии справляются насчет химической завивки и маникюра.

И такая дребедень
Целый день:
...Динь-динь-лень!

Пять лет назад со страниц Крокодила прозвучал резкий звонок в трест «Челябметаллургстрой». Уже тогда волокита со строительством новой АТС имела пятилетнюю давность. Пять лет старой да пять лет новой волокиты! Товарищи, ведь это всесоюзный рекорд!

Гудят перегруженные провода, посылая тревожные сигналы в райсовет, горсовет, совнархоз. Увы! Никто не отвечает!

Имея в виду десятилетний юбилей этой рекордной волокиты, мы не можем предугадать, когда она кончится.

Мы можем только напомнить, что детские стихи «Телефон» не зря кончаются тяжелым вздохом:

Ох, нелегкая это работа —
Из болота тащить бегемота!

Б. ЗУБКОВ,
К. ОБОЛЕНСКИЙ

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

МЫ ГЛУБОКО возмущены легкомысленным присуждением Специальной грамоты Крокодила (см. журнал № 33 за прошлый год) казанской столовой № 2.

Только оторванные от жизни люди, не знающие истинного положения дел на местах, могли подсказать Крокодилу эту кандидатуру.

Если бы члены жюри всесторонне ознакомились с пищевой деятельностью столовой № 21 Сочинского треста ресторанов в гор. Хосте, мы не сомневаемся, что они бы отдали предпочтение именно ей.

Благодаря неусыпным заботам директора М. Ф. Соколова столовая доведена до такого состояния, что смело может быть переименована в заповедник пыли и грязи.

Книга жалоб столовой пестрит многочисленными «благодарственными» отзывами посетителей.

2 декабря прошлого года группа рабочих строительного управления № 28 разразилась взволнованным панегириком:

«Мы уже неоднократно заявляли устно, а теперь пишем в книгу, что в изготовляемом столовой холодце много щетины!»

Директор столовой реагировал довольно быстро и оперативно: «С работниками кухни и поварским составом проведена беседа. Больше щетины не будет. Соколов».

А через десять дней в книге жалоб появилась новая вдохновенная запись:

«Еще раз пишем, что в холодце по-прежнему встречается щетина длиной до одного сантиметра».

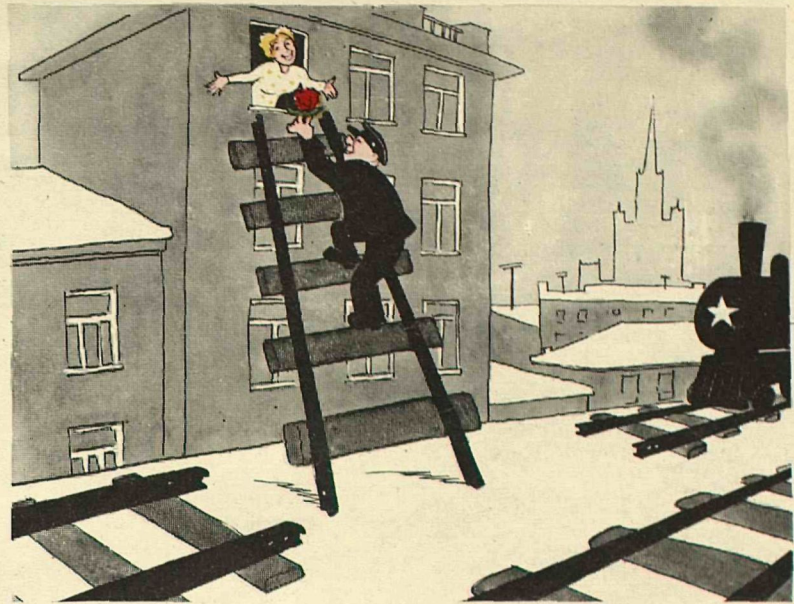
На эту запись никакого ответа со стороны директора не последовало. Да что, собственно, мог он ответить? Должно быть, примирился с мыслью, что отныне он руководит не столовой, а щетинно-волосистой фабрикой.

Это обстоятельство и заставило нас поставить под сомнение справедливость присуждения Специальной грамоты Крокодила казанской столовой № 2 и решительно потребовать грамоту для хостинской столовой.

Рейдовая бригада газеты «Красное знамя»:
П. ТКАЧЕВ, В. БОНДАРЕВ, П. НИКИШИН

От Крокодила. Под натиском убедительных аргументов Крокодил постановляет: присудить Специальную грамоту хостинской столовой № 21.

Приветственные телеграммы рекомендуем адресовать директору столовой Михаилу Федоровичу Соколову.

Без слов.

Стенан ОЛЕИНИК

О НЕКОТОРЫХ ЗАЯДЛЫХ ТУРИСТАХ

Четыре раза был в Милане...
— В Донбасс езжай!

Не тот ездок:
Туриста почему-то тянет
На Запад, а не на Восток!

* * *

С Парижем, с Лондоном
знаком

Он до подробности
последней,
А в городе своем родном
Не знает улицы соседней.

* * *

Он перенял в заморских странах
Богатый опыт у панов:

Теперь в курортных ресторанах
В трусах сидит он. Без штанов!

* * *

В его одежде все не наше —
От запонок до пиджака.
Лишь нашим салом,
нашей кашей
Еще не брезгует пока.

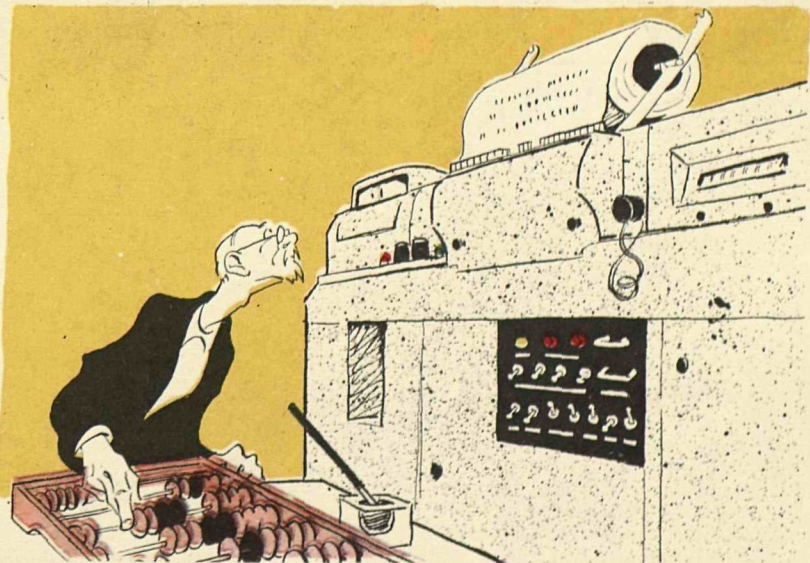
* * *

Им все описано прекрасно:
Что пил он тут, что ел он там,
Где ночевал... Одно неясно:
Зачем читать все это нам!

Перевел с украинского
Сергей ШВЕЦОВ.

ПУНКТУАЛЬНОСТЬ

Рисунок М. СОКОЛОВА.

— Машина машиной, а проверить все-таки не мешает.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Год издания 38-й.

Издательство «Правда»

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 00218. Изд. № 16. Подписано к печати 29/1 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₂. Заказ № 253. Тираж 1 400 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпль.
1960 г.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Граждане, я хороший! Возьмите меня на поруки!..